

А. Н. ТОЛСТОЙ В ПУШКИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В. А. Мануйлов

ВОРОБЬИ

В 1931 г. в Ленинграде Общество друзей Пушкинского заповедника было преобразовано в Пушкинское общество. Среди его учредителей были президент Академии наук СССР А. П. Карпинский, писатели К. А. Федин, А. П. Чапыгин, Ю. Н. Тынянов, С. А. Семенов. Сначала общество насчитывало 90 человек, а к 1936 г. — уже 1030. В сентябре 1937 г. председатель правления академик Н. С. Державин из-за болезни отказался от руководства работой Пушкинского общества. Возник вопрос о новом председателе. Среди кандидатур не случайно был назван Алексей Николаевич Толстой.

Толстой и раньше интересовался работой Пушкинского общества. Он принял участие летом 1936 г. в расширенном заседании правления в Детском Селе (ныне город Пушкин), говорил о памятных местах в городе юности поэта, о необходимости сохранить их.

Осенью 1937 г. по поручению правления Пушкинского общества И. А. Оксенов, П. А. Корыхалов и я приехали к Алексею Николаевичу в Детское Село в дом на Пролетарской улице, 4. В этом двухэтажном деревянном доме писатель поселился со своей многочисленной семьей осенью 1930 г.

До этого я видел Толстого в издательствах, на писательских собраниях. В его гостеприимный дом я пришел впервые. Журналист, сотрудник «Ленинградской правды» П. А. Корыхалов и поэт, критик и переводчик И. А. Оксенов тоже не были лично знакомы с писателем. Однако Алексей Николаевич охотно согласился встре-

таться с нами, внимательно выслушал мой краткий рассказ о перспективах работы Пушкинского общества.

Мы беседовали в небольшой комнате напротив двери в столовую. Усадив нас, Толстой подошел к высокой кафельной печи и, прислонившись к ней, неторопливо закурил маленькую трубку. Потом оживился и стал прохаживаться по комнате, расспрашивая нас о деятельности Общества, о пушкинских семинарах в заводских и фабричных аудиториях, о лекционной работе. Как я потом наблюдал, Толстой любил работать стоя, а если диктовал, то ходил по комнате. Простота и непосредственность Алексея Николаевича, его живая заинтересованность помогли нам преодолеть некоторую неловкость первой встречи. Толстому было тогда 55 лет. Его лицо и фигура соответствовали этому возрасту, но, вместе с тем, он был полон сил и, при всей его грузности, удивительно подвижен.

Алексей Николаевич, к большой нашей радости, согласился возглавить работу Пушкинского общества. Несмотря на постоянную занятость, он вникал в жизнь Общества, помогал преодолевать трудности и был инициатором многих наших начинаний.

Вскоре Толстой предложил правлению избрать меня его заместителем. Наше общение стало почти повседневным. Мне посчастливилось не только обсуждать с Алексеем Николаевичем деловые вопросы, но и принимать участие в его домашних заботах.

В ноябре 1937 г. началась избирательная кампания по выборам в Верховный Совет СССР. Правление Пушкинского общества решило принять участие в предвыборных встречах Толстого с его избирателями, и 26 ноября члены правления и актив выехали с писателем в Старую Руссу. В поездке приняли участие актеры Ленинградского академического театра драмы им. А. С. Пушкина, в их числе близкий друг Алексея Николаевича Елизавета Ивановна Тиме.

Стояли ясные морозные дни. Мы объехали Демьянский, Лычковский и Валдайский районы. Выступления Алексея Николаевича на многолюдных собраниях в домах культуры, клубах и школах проходили с большим успехом. Толстой говорил о задачах, стоящих перед советской литературой, мастерски читал отрывки из своих произведений — чаще всего он читал главу «Желтухин» из повести «Детство Никиты», — отвечал на вопросы. Его подолгу не отпускали, для многих это была первая встреча с писателем. Своей сердечностью и непринужденностью, подлинно народным юмором Толстой привлекал людей, они чувствовали себя с ним свободно, искренне выражали свои симпатии и даже дарили ему домашние пряники.

После поездки Толстой говорил: «Хорошие там ребята, особенно хороша молодежь. Я знал, какой была Россия вчера. Теперь я увидел во время поездки, какой наша страна будет завтра».

Депутатскую деятельность, поездки, общественно-политические выступления писатель сочетал с повседневной напряженной литературной работой. Его жизненная энергия, увлеченность проявлялись во всем: в замыслах, делах, общении с людьми.

В конце 1937 г. Алексей Николаевич загорелся идеей создания Свода русского фольклора и, параллельно, учебника «История литературы народов СССР». Сводом русского фольклора Толстой заинтересовал Академию наук СССР, Институт русской литературы, а учебник предложил подготовить Пушкинскому обществу. Подробно об учебнике он рассказал в статьях «Учебник должен быть народной книгой» и «Учебник „История литературы народов СССР“». Мне довелось работать с Толстым над программой учебника и заниматься организационными вопросами. В конце 1938 г. выяснилось, что учебник следует создавать в двух вариантах: для школы и для массового читателя, главным образом, молодежного. Первый вариант согласился издать Учпедгиз (Ленинградское отделение), второй вариант издавала «Молодая гвардия». К сожалению, между издательствами возникали недоразумения и разногласия.

Как-то в начале 1939 г. мы собрались в «Молодой гвардии». Алексей Николаевич был в тот день очень занят, смог приехать только к началу заседания, и я не успел предупредить его о конфликте между издательствами. Нужны были новые договоры, новые дополнительные ассигнования, а издательства не могли выйти из жестких рамок своих планов и возможностей. Алексей Николаевич мгновенно уловил суть спорных вопросов. Он председательствовал, внимательно слушал каждого выступавшего и, завершая дискуссию, сказал именно то, что было нужно, очень спокойно и убедительно. Страсти улеглись, а принятое решение создавало необходимые условия для нормального продолжения работы.

Во время заседания Алексей Николаевич то и дело заинтересованно посматривал в окно. Мне не было видно, что там происходит. Загадка разрешилась позднее. После заседания Алексей Николаевич пригласил нескольких участников работы над учебником пообедать у него в Барвихе. За столом он рассказал о драме, которая разыгралась во время заседания между тремя воробьями и воробихой. Всех поразила его наблюдательность и тончайший психологический анализ поведения воробьев. Воробиха оказалась очень капризной дамой. Сначала она обнадеежила пожилого и степенного воробья, который довольно вяло отвечал ей. Затем ее внимание привлекли два юных претендента. Они не поняли, кому же воробиха отдает предпочтение, и затеяли драку. Пожилой воробей оставил поле битвы, а она, не обращая внимания на дерущихся, стала прихорашиваться и оглядываться, нет ли какой-нибудь другой жертвы. Тем временем на карниз сел голубь, и все участники птичьей драмы разлетелись в разные стороны. Рассказывая, Алексей Николаевич особенно живо изображал капризную воробиху. Эта импровизация напомнила мне, как он читал главу из повести «Детство Никиты» о скворце Желтухине.

МАСЛИНА ЛЮДОВИКА XIV

В 1935 г., за два года до столетия со дня смерти Пушкина, в издательстве Академии наук СССР вышел седьмой том академического издания сочинений поэта под общей редакцией Д. П. Якубовича. В том вошли драматические произведения, которые сопровождались не только вариантами текстов, но и обстоятельными комментариями. В истории нашего пушкиноведения это было радостное событие. Седьмой том опередил другие тома, потому что его подготовка потребовала меньше времени, чем подготовка томов лирики, поэм, «Евгения Онегина», прозы художественной и критической и писем. В 1937 г. вышли еще четыре тома: I (ранняя лирика), IV (ранние поэмы), VI («Евгений Онегин»), XIII (ранние письма); в 1938 г. вышел первый полутом IX тома прозы. По обстоятельствам, не зависящим от составителей, на этом произошла задержка выхода в свет остальных томов, но работа продолжалась.

В 1939 г. ко мне обратились пушкинисты Мстислав Александрович Цявловский и Борис Викторович Томашевский с просьбой помочь им встретиться с А. Н. Толстым, депутатом Верховного Совета СССР и председателем Пушкинского общества, чтобы посоветоваться, как разрешить возникшие затруднения с продолжением издания. Алексей Николаевич охотно согласился встретиться, но тут же сказал мне: «Конечно, надо что-то предпринять. Я готов поговорить с кем нужно, но меня смущает, как я буду беседовать с такими видными пушкинистами. Да, я председатель Пушкинского общества, депутат, очень люблю Пушкина, но я же ничего не понимаю в пушкиноведении. Ну, дружил со Щеголевым, с увлечением прочел его книгу „Дуэль и смерть Пушкина“, разве что Вы меня поправите, если я что-нибудь ляпну».

В назначенный день мы встретились у Цявловского. Около часу дня за нами пришла машина. По дороге в Барвиху, на дачу Толстого, Мстислав Александрович волновался; его смущала встреча со знаменитым писателем. Борис Викторович, напротив, был спокоен и уверен, что в этой встрече заинтересован и сам Алексей Николаевич. Он оказался прав.

Мы приехали в Барвиху за полчаса до обеда. Толстой уже ждал нас. Радужный прием сразу успокоил Цявловского. За какие-нибудь двадцать минут Алексей Николаевич все понял и обещал уладить недоразумения, убедить издательство не торопить ученых с очень сложной работой и помочь достать необходимое количество высокосортной бумаги.

К нам вышла жена Толстого Людмила Ильинична и пригласила к столу. Обычно за столом у Толстых собиралось 10—15 человек. На этот раз никто больше приглашен не был. К деловым разговорам больше не возвращались. Алексей Николаевич рассказывал о работе над романом «Петр Первый». Его интересовали не только характеры Петра и людей того времени, но и мельчайшие подробности быта и этикета. Зашла речь о русской и иностранной кухне, об отдельных блюдах. Цявловский заметно оживился:

— Помните, Алексей Николаевич, у Гоголя, в «Мертвых душах», Коробочка везет в город домашнего изготовления пирог-курник? Не встречались ли Вам упоминания в литературе петровской эпохи об этом пироге?

— Как у Гоголя помню, а в петровской литературе не встречал. А как Вы, Мстислав Александрович, представляете себе, что это такое, пирог-курник, как он приготавливался?

— С удовольствием расскажу. Готовят тесто, конечно, по особому рецепту, раскатывают и кладут на противень, потом начинка, вся мелко нарезанная, тогда мясорубок еще не знали. Первый слой — соловьиные язычки, потом маленький голубочек, потом цыпленочек, потом гусятина, уточка, индюшати́на, молодой барашек, телятинка, все это покрывалось тестом. Пирог ставили в печь, чтобы протомился. Когда пирог был готов, накрывали полотенцем и несли на стол. Куски разрезанного пирога клали на тарелки плашмя, на бок. Вот так и ели. Каково, Алексей Николаевич?

— Ну, что ж! Конечно, питательно, вкусно, но, дорогой мой, очень уж тяжело, из-за стола не встанешь. А знаете ли Вы, что любимое блюдо Людовика XIV — маслина в соусе? Тоже из многих слоев приготовлена, но легко и приятно.

— Расскажите пожалуйста, не слышал, не знаю.

— Извольте. В большой чан хребтом вниз клали выпотрошенного бычка, потом фаршировали тоже слоями: лягушатиной, курятиной, гусятиной, индюшатиной, зайчатиной, медвежатиной, пересыпали травками и внутрь клали крупную маринованную маслину. Брюхо бычку зашивали. Под чаном раскладывали огонь. Варили долго. Потом вспарывали бычка, доставали маслину, клали ее на блюде́чко, вернее тарелочку, и поливали соком из чана. Эту маслину Людовик и съедал перед обедом. Каково, Мстислав Александрович?

— А все остальное куда же?

— Конечно, собакам, на королевскую псарню».

Цявловский признал себя побежденным. От прежнего смущения не осталось и следа. Обед прошел в живой и непринужденной беседе.

Прощаясь, Толстой заверил, что сделает все от него зависящее, хотя и не уверен в полном успехе.

Дело действительно оказалось сложным и потребовало обращения в самые высокие инстанции. Академическое издание Пушкина было спасено. Но до его успешного завершения в 1949 г. Алексей Николаевич не дожил.

ЗЕЛЕНО-РОЗОВЫЙ ПОПУГАЙ

Однажды, в середине мая 1939 г., Алексей Николаевич несколько раньше, чем обычно, прервал работу и часа за два до обеда пригласил домашних и меня собирать неподалеку от дачи березовые почки. Мы уже находились в прихожей, когда раздался звонок и появился неожиданный посетитель — высокий молодой человек в зеленых брюках и розовом пиджаке, с пестрой бабочкой галстука.

-- Я не ошибся? Вы писатель Алексей Толстой?

— Да, я Алексей Николаевич Толстой. Здравствуйте, чем могу Вам служить?

— Я тоже писатель. Я привез Вам свой роман и хочу, чтобы Вы прочли его и помогли бы мне напечататься.

Тут он достал из портфеля объемистую рукопись и протянул Толстому.

— Простите, Вы не представились. Как Вас зовут?

Молодой человек назвал себя. Алексей Николаевич положил папку на подзеркальник и предложил гостю принять участие в сборе березовых почек.

Пока дошли до ближайших берез, завязался разговор о целебных свойствах настоянных на водке березовых почек. Закричала иволга.

— Вы знаете, какая это птица? — спросил Толстой.

— Ну, птичка, какая-то птичка.

— Как же ее зовут?

— Откуда я знаю. Много же всяких птичек! Птичка!

Я не помню, как звали молодого человека, что-то вроде Феоктиста Филимоновича. Он не проявил особого усердия при сборе почек и от нечего делать сорвал несколько листиков подорожника и даже попробовал их на вкус. Заметив это, Алексей Николаевич спросил:

— Вас больше интересуют лекарственные растения?

— Нет, я не медик и не ботаник. Я писатель.

— Ну, если Вы литератор, может быть, Вы помните, как назвала Анна Андреевна Ахматова одну из своих ранних книг?

— Ахматова, кто такая? Первый раз слышу.

— Поэт. А книга названа «Подорожник» — в честь той травки, которую Вы только что изволили пробовать на вкус.

Возвращаясь домой, Алексей Николаевич сорвал стебелек тимopheевки. Феоктист Филимонович не знал названия и этой травки. Оказалось, что приехавший «писатель» не отличает осины от клена, дуба от ясеня, жимолости от сирени. Этот «экзамен» явно не нравился гостю. Он раздраженно отвечал: «Ну, куст. Ну, дерево. Ну, птичка. Ну, травка. Ну, букашка».

За обедом его репертуар оказался более разнообразным. Гость отлично знал названия различных блюд и вин, а затем порадовал дам своей осведомленностью в фасонах одежды, галантерейных товарах и парфюмерии. Алексей Николаевич внимательно слушал. Потом спросил:

— Вы работаете в универмаге?

— Нет, я писатель.

После обеда гость собрался в Москву. Прощаясь, в передней Толстой взял с подзеркальника рукопись и передал автору.

— Так Вы же не прочли мой роман, Алексей Николаевич.

— Зачем же мне читать? Я и так все понял. Писатель прежде всего должен знать и любить родной язык, а не довольствоваться словарем ресторанного меню и торгового прейскуранта. Я думаю, что Ваше призвание — работа в хорошем ресторане или в торговле.

Явно разочарованный и смущенный гость, не прощаясь, удалился. Вспоминая эту встречу, Алексей Николаевич называл автора непрочитанного романа зелено-розовым попугаем.

Вечером того же дня Алексей Николаевич подарил мне только что выпущенную Гослитиздатом книгу «Петр Первый» и своим размашистым почерком надписал: «Дорогому и многоуважаемому председателю Пушкинского общества Виктору Андрониковичу Мануйлову. Алексей Толстой. Барвиха 13/V 1939». (Я был, как уже говорилось выше, заместителем Толстого по Пушкинскому обществу, но он в неофициальных случаях называл меня председателем.) Под этой сдержанной надписью Алексей Николаевич добавил: «В день сбора березовых почек. Весна, весна, Виктор Андроникович, весна, взгляните на эту березу, черт возьми! А. Н. Толстой».

Виктор Андроникович Мануйлов (р. 1903) — доктор филологических наук, член Союза писателей СССР, специалист по Лермонтову, автор «Летописи жизни и творчества М. Ю. Лермонтова» (1964), многих книг и статей о поэте, главный редактор «Лермонтовской энциклопедии» (1981). На протяжении многих лет В. А. Мануйлов занимается также изучением жизни и творчества А. С. Пушкина и М. А. Волошина.

Личное знакомство В. А. Мануйлова с А. Н. Толстым состоялось в 1936 г. В ИМЛИ в фонде Толстого сохранилась их деловая переписка за 1938—1941 гг. (41 письмо), в которой отражена главным образом работа над учебником «История литературы народов СССР».

Воспоминания В. А. Мануйлова написаны специально для настоящего сборника.